

Аполлон Григорьев

Мое знакомство с Виталиным

Аполлон Александрович Григорьев
Мое знакомство с Виталиным
Серия «Трилогия о Виталине», книга 2

Аннотация

«Раз как-то, в начале или в конце мая прошлого года, не помню, право, но знаю только с достоверностью, что это было в мае, в один из редких в Петербурге светлых майских дней, и притом утром, – я сидел у окна в кондитерской Вольфа и занимался изысканием средств, как бы можно было вовсе не заниматься ничем на свете; к величайшему сожалению, все, что было у меня перед глазами, слишком живо напоминало мне об отдаленности блаженного состояния человечества: и движущиеся волны чиновного люда на Невском, и длинные физиономии людей, сидевших подле меня...»

Содержание

I. Человек эпохи	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Аполлон Григорьев
Мое знакомство
с Виталиным
Продолжение рассказа
без начала, без
конца и без морали

I. Человек эпохи

Раз как-то, в начале или в конце мая прошлого года, не помню, право, но знаю только с достоверностью, что это было в мае, в один из редких в Петербурге светлых майских дней, и притом утром, – я сидел у окна в кондитерской Вольфа¹ и занимался изысканием средств, как бы можно было вовсе не заниматься ничем на свете; к величайшему сожалению, все, что было у меня перед глазами, слишком живо напоминало мне об отдаленности блаженного состояния человечества: и движущиеся волны чиновного люда на Нев-

¹ ...в кондитерской Вольфа... – Она помещалась в доме № 18 по Невскому проспекту.

ском, и длинные физиономии людей, сидевших подле меня, и как я же, не имевших положительного занятия и соответствующего ранга, но видимо желавших пополнить этот недостаток самовольным углублением в европейские сплетни. Скиф и вандал, вовсе чуждый политике, я покушался часто принудить себя прочесть хотя лист «Times» или «Presse», но – увы! – оставался всегда при одном покушении; со мной сжилась как-то ненависть к цивилизации, и в этом отношении учение Фурье² пало мне глубоко на душу, очень понятно поэтому, что я начинал скучать невыносимо; и убедившись окончательно в невозможности ничегонеделания, я стал придумывать, как бы заняться чем-нибудь; но день, неумолимо длинный день представлял мне во всем своем ужасающем однообразии... Идти куда-нибудь было бы совершенно бесполезно, людей в Петербурге до 4-х часов можно отыскать только в канцеляриях, а я давно уже не заглядывал ни в одну из «таковых» и в этом отношении мог сказать о себе:

Не верил только потому,
Что верил некогда всему.³

² Г. в 1845 г. начинал уже разочаровываться в утопических теориях Фурье, поэтому в данной тираде чувствуется ирония.

³ Источник не обнаружен; возможно, что это вариация на тему поэмы Г. «Олимпий Радин» (1845):... в молодости был Готов глубоко верить он... и потому Теперь лишь верит одному, Что верить вообще смешно...

Я вспомнил о Москве, о том, что там, например, я не сидел бы так бесплодно, а занялся бы разрешением глубокого вопроса о вечном Ничто – и, проведши час или два в таком общепольном занятии, с спокойной совестью отправился бы к К** или к Г** сообщать свои открытия по этой части, вполне уверенный, что застану их разрешающими или уже разрешившими вопрос об абсолютном Всем, – и что таким образом себе и им доставлю удовольствие столкновения крайностей...

Не зная, что делать и даже что думать, я велел подать себе третью порцию мороженого и продолжал глядеть в окно на Невский, глядеть без мысли, глядеть почти не видя, глядеть не желая ничего видеть, потому что Невский надоел мне страшно. Долго ли сидел я в этом состоянии безмыслия, не знаю, – но из него я был выведен довольно сильным ударом по плечу и словом: «Здравствуйте!», словом, которого звук обдал меня каким-то знакомым ощущением.

Я обернулся – перед мною стоял один из моих московских приятелей, Александр Иванович Брага.

Я не мог опомниться от удивления и смотрел на него с минуту, не говоря ни слова. Так! Это был он, он сам, в том же вечном зеленом пальто, обшитом шнурами и застегнутом доверху, с пятнами чахотки на лице, с черною бородою, выглядывавшею из-под галстука... «Здравствуйте, – повторял он, радушно схватывая мою руку, – я увидел вас, идя по Невскому».

– Благодарю, что не забыли, – отвечал я, дружески пожимая его руку. – Ну что, как вы?... Знаете ли, я думал, что вы уже умерли.

– Нет еще, – отвечал он с тем же сардоническим смехом, который обыкновенно кончался у него удушливым кашлем, садясь на стул и вынимая из кармана сигары.

– Или что вы уже в Болгарии, – продолжал я, смотря на него пристально и удивляясь, как человек-то вообще живуч.

– В Болгарии!.. – он опять захохотал удушливым смехом и махнул рукою. Помолчавши немного и закулив сигару, он спросил меня, что я здесь делаю.

На это я отвечал ему, что еще менее его знаю, что я делаю.

Он улыбнулся – и начал рассказывать с величайшею подробностью и с обыкновенной злостью разные московские сплетни.

Я был странно рад появлению этого человека в Петербурге, не потому, чтобы ждал от этого пользы или удовольствия для себя, но потому, что вид его приводил мне на память много прошедшего, дурного или хорошего, смешного или странного, но для меня во всяком случае дорогого.

Я познакомился с Александром Ивановичем еще в Москве, в 1843 году, и познакомился довольно оригинально. И он и я ходили очень часто в одну библиотеку заниматься, я – всем и ничем, он, кажется, военными науками. Южное очертание лица, что-то резкое во всех движениях, что-то дребезжащее в чрезвычайно звучном голосе, дребезжащее, как тоны раз-

битого инструмента, — заставили меня с первого раза обратить на него особенное внимание: в нем было так много особенного от других и вместе с тем так много гордой свободы в сознании этой особенности, — а я всегда любил уродов, тем более, когда эти уроды знают свое место среди других живых существ и умеют удерживать его с достоинством во всех обстоятельствах жизни. Печать этой исключительности, лежавшая на нем, хранилась им свято — и везде, где бы ни было, заставляла быть его, как у себя дома. Мне нравилось, что, посещая эту библиотеку, он успел сделаться в ней почти хозяином; мне нравился его вечно одинаковый костюм, намекавший на плохое состояние кармана, но в котором он умел быть сам собою и с которым у него одного только могли мириться привычки порядочного человека. Мне было очень интересно узнать его, и в одно прекрасное утро я прямо сказал ему об этом. Мою циническую откровенность он встретил без всякого удивления, потому, может быть, что порядочные люди имеют привычку верить в физиономии и — слабость думать, что состояние головы человека можно узнать не только по слову, но по первому звуку голоса. Кстати об этом: мне казалось всегда, что порядочные люди, то есть люди жившие и думавшие, или просто люди, составляют какую-то общину, имеющую свои условные знаки и предания. Дело в том только, что мы сошлись с ним с первого разговора, — сошлись, то есть были в состоянии понимать один другого, подчас, может быть, и смеясь друг над другом, — по

крайней мере мне казалась всегда смешною его вера в то, что можно что-нибудь делать. Он служил долго в военной службе, волонтером, бывал на Кавказе и в Турции, знал хорошо покойного Пушкина и вообще, по образованию своему, принадлежал к эпохе двадцатых годов. Но как бы то ни было, а я полюбил этого человека, хотя с невольным неверием выслушивал его планы о просвещении болгар, с неверием не к нему, впрочем, а к возможности заботиться о чем-нибудь, кроме самого себя. Он был весь съеден желчью, он не мог ни о чем говорить без сардонического и удушливого смеха, — но я приписывал это просто обстоятельствам личной жизни и в его любви к болгарам видел общий всем нам, грешным, эгоизм, который, чтобы оправдать свое собственное раздражение, ухватился за что-то другое. Я допускал, впрочем, от души, что он сам обманул себя, и потому никогда не оскорблял его неверием, а, напротив, очень терпеливо выслушивал его филиппики; другие не хотели считать его даже фанатиком личного эгоизма, а просто с натяжкой искали в нем ловкого плута, хотя слишком много подлости и злости надобно было иметь в себе, чтобы это подумать... Я отличался всегда неимоверным терпением ко всем фанатикам, и потому Брага ходил ко мне часто, и часто до утомления преследовал меня по ночам и одушевленными рассказами о юге, о Малороссии, его родине, и неистовыми выходками на подлость людей, и мечтательными планами... У него была одна ужасная привычка или, лучше сказать, маневр убийственный: когда

у меня слипались уже глаза и я просто говорил ему, что пора убираться, – он брал шляпу и, стоя с нею на лестнице, куда я провожал его по обыкновению со свечою, еще битый час продолжал ораторствовать.

Встретивши его здесь, я не нашел в нем ни малейшей перемены: он точно так же жаловался на нестерпимую грудную боль, носил на руках и на спине фонтанели⁴ и точно так же беспрестанно курил сигары. В Петербург, по его рассказам, приехал он потому, что здесь удобнее – не жить, а пробиться кое-как, что в Москве почти совершенно невозможно. В Москве надо жить или картами, или доходами с деревень; последних он вовсе не имел в наличности; в карты же хотя играл довольно искусно, но всегда по маленькой, потому что уже много спустил «в коротенькую», употребляя его собственное выражение. У него было много знакомых гвардейских офицеров, бывших товарищей по службе, о которых он с первого же разу успел пересказать мне очень много замечательных историй.

– Кстати, – спросил он меня, выходя из кондитерской и только что кончивши рассказ о том, как поручик Таксенов нашел средство завести у себя гамбсовскую мебель, – кстати, – продолжал он, – не знавали вы здесь одного, тоже московского, Виталина?

– Офицера? – спросил я, ожидая новой истории.

– Нет.

⁴ Фонтанели – гнойные раны.

– Чиновника?

– Тоже нет.

– Литератора?

– Да, пожалуй, литератора, – отвечал мой приятель, сморщивши физиономию вдвое более против обыкновенного...

– Не знаю, – хотел было отвечать я, но мне пришло на память, что в январе видел я драму, автор которой носил это имя, что я и сказал Браге.

– Он и есть, – сказал тот. – Да не в том дело: лично вы его не знаете?

– Нет, – отвечал я, – а что?

– Тоже вот, батюшка, судьба-то, – говорил он, ускоряя шаг. – Человек умный, страшно умный, – как говорили, по крайней мере. Я о нем вспомнил по поводу Таксенова. Он был в Москве учителем – и в то время даже еще, как я хаживал к вам, да и чуть ли я тогда вам о нем не рассказывал, тем больше, что я любил тогда этого человека, очень любил... Вышел тоже дрянь дрянью.

– То есть как же это? – спросил я с любопытством, потому что привык не слишком верить решительным приговорам моего приятеля.

– Тряпка, – отвечал Брага с видимою грустью, – просто тряпка. Когда мы провожали его сюда, мы все думали, что из «него» что-нибудь будет: бесхарактерность, ветреность просто его погубили.

Питая особенную привязанность к личностям, от которых

все ждали многого и из которых ничего не вышло, я просил Брагу объясниться подробнее...

– Да вот вам хотя бы и это, например, по поводу чего я и вспомнил о нем, – отвечал Александр Иванович. – Я поручил ему здесь отыскать Таксенова и передать ему дневник его, который тот пересылал мне аккуратно... Он и послал его, да через год, и притом изорванный. Помилуйте, что уж за человек, который в состоянии читать чужие письма?

– Да читал ли он? – спросил я, впрочем, сам не слишком уверенный в возможности противустоять искушению прочесть чужой дневник, тем более дневник офицерский.

– Наверное, – сказал Брага, махнувши рукою. – И заметьте себе, кто решается читать чужие письма, тот так же легко не отдает чужих денег, а о долгах уж и говорить нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.